

Палило серебристое солнце. По небу, походившему на майскую реку, плыли полосатые облака. Из кустов спирей, которые окружали внутренний двор костёла, раздавалось пение камышовок. Мы со старшим братом, держа в руках свечи, на которых были написаны наши имена при крещении, вошли в арку из роз. Под торжественную песню хора мы шли через двор к алтарю у статуи распятого Иисуса.

Любящий Господь,
Ты делаешь мою жизнь прекрасной.
Твоя любовь
Делает мою жизнь прекрасной.

За нами парами шли мальчики в белой одежде и красных шапочках и девочки в белых платьях с венцом из перьев на голове. У алтаря нас уже ждали настоятель и викарий. Была последняя неделя мая — месяца Пресвятой Девы Марии. В то утро, в день Благословения, во внутреннем дворе костёла только-только приступали к обряду Первого Причастия. Главными виновниками торжества были двадцать четыре ребенка, включая моего девятилетнего брата и меня — на год его младше.

Все прихожане, принимавшие участие в таинстве, обернулись и смотрели, как мы заходим во двор. Наш с братом крестный — дедушка по маминной линии — сидел впереди и широко улыбался. Мама и папа, сидевшие на местах для родственников, следили за каждым шагом брата, который возглавлял шествие. Иногда мама смотрела и на меня, не замечая, что я немного дрожу, как огонек свечи при легком дуновении ветерка. Она лишь на мгновение бросала свой безразличный взгляд на меня и снова возвращалась глазами к брату.

Со вчерашнего дня я плохо себя чувствовал. Боле-ла голова, я испытывал странный озноб и всю ночь видел дурные сны. Утром горло совсем опухло, что я и глотка воды сделать не мог. В результате в машине по дороге в костёл у меня начался жар. Я подумал, что снова обострился хронический тонзиллит, но маме ничего не сказал. Наоборот, я изо всех сил притворялся здоровым, ведь если мама узнает, что я болен, не будет ничего хорошего. Она сразу же повернет машину в больницу, в отделение неотложной помощи. Что там будет происходить, я прекрасно знал из своего богатого опыта. Возьмут кровь на анализ, сделают рентген грудной клетки или вколят лекарство. В худшем случае меня оставят на несколько часов под капельницей, чтобы сбить температуру. Первое Причастие пройдет, как и было запланировано, но без меня. Значит, я останусь один и буду ждать ещё целый год, в течение которого снова придется ходить в Воскресную школу, переписывать стихи из Библии и посещать ранние службы в церкви. Ещё и экзамен надо будет сдавать по новой. Опять придется пережить тяжелые страшные шесть меся-

цев. Но помимо этого я должен буду отдать другому ребенку свое место рядом с братом, которое я заполучил с огромным трудом. А победа — вот она, уже совсем близко, ведь я прошел тяжелые испытания, ни в чем не уступая брату. Я не могу отказаться от всего этого из-за какого-то тонзиллита.

Серьезные признаки болезни проявились, как только мы начали заходить. Я не сделал и пяти шагов, как меня охватил внезапный холод, и, не пройдя и половины двора, я ощутил страшный, колотивший меня озноб. А когда оставалось всего три-четыре шага, мои ноги совсем обессилели. Я пошатнулся, наступил на конец белой робы и чуть не упал. Я бы наверняка шлепнулся лбом об землю, если бы меня тут же не подхватил брат.

— Что с тобой? — беззвучно, одними губами спросил он. Я не ответил, а выпрямился и сделал последние шаги. При этом я быстро глянул на скамью, где сидели члены моей семьи. Широко раскрытые глаза мамы были устремлены прямо на меня и задавали тот же вопрос. *Что с тобой?*

Я потупился и покачал головой. Я не мог ей сказать: «Мама, если ты мне разрешишь вообще никогда не проходить Первое Причастие, то я с радостью упаду прямо на месте». Но и будь у меня такая возможность, всё равно уже было слишком поздно — мы дошли до алтаря. Настоятель протянул руку. Старший брат первым отдал ему свечу.

— Хан Юмин — Михаэль.

Получив свечу от брата, настоятель положил ее у алтаря. Я следом протянул свою.

— Хан Ючжин — Ноэль.

Настоятель взял меня за руку и забрал свечу. Он внимательно всматривался в мои глаза, словно успокаивая маленького испуганного щенка. *Не бойся, дитя мое.*

Щеки колело, мне казалось, что мою кожу растягивают. Я отвернулся и встал рядом с братом. Вскоре вторая пара детей передала свои свечи настоятелю. Время тянулось бесконечно долго, пока другие десять пар подходили к алтарю. Да и сама служба шла слишком медленно. У меня было такое ощущение, будто маленький лягушонок под палящим летним солнцем пытается перейти через восьмиполосное шоссе. Идешь, оборачиваешься, и всё равно ты почти там же, где был. И так всякий раз. В ушах непрерывно звучало пение камышовок, которое то приближалось, то удалялось.

— Слушай, Израиль... Итак положите сии слова Мои в сердце ваше и в душу вашу, и навяжите их в знак на руку свою, и да будут они повязкою над глазами вашими...

В какой-то момент я открыл глаза и увидел, что мой папа, выступающий от лица родственников детей, читает «первое чтение». Его голос, обычно очень низкий и четкий, дрожал и запинался. Широкие плечи были сильно напряжены, что делало его похожим на робота. Чисто выбритые щеки отливали синевой и походили на разлившуюся по лицу гематому. Я повернул голову в сторону скамеек, где сидели члены семьи. Я сразу почувствовал на себе взгляд мамы, словно она до сих пор только и делала, что следила за мной. По ее лицу было видно, что, скажи я хоть слово, она сразу бросится ко мне. Она уже поняла, что я чуть было не упал не по неосторожности,

а потому что со мной что-то не так. Возможно, мои щеки стали одного цвета с моей красной шапочкой. Или она заметила мое дрожащее под белой одеждой тело.

— Вот, я предлагаю вам благословение и проклятие... которые я заповедую вам сегодня... — Голос отца оборвался у меня в ушах. Мысли были бессвязными, а время стало прерывистым. Пение птиц удалялось и, наконец, исчезло далеко за спиной.

— Ты что? Спишь? — Голос брата заставил меня очнуться. Открыв глаза, я увидел, что священники, которые держали хлеб и вино, вышли к алтарю и остановились. Только я подумал, что должен подойти к ним, как уже оказался у алтаря. Рука настоятеля была согнута, как длинная сухая и темная ветка. На ее конце, словно полная луна, висела смоченная в вине круглая облатка.

— Тело Христово.

Аминь. Старший брат высунул язык и принял хлебец. Я тоже поднял голову, но открыть рот не смог. Мое горло страшно горело. Вся моя плоть была охвачена жаром. Перед глазами вихрем взметнулась пыль, все предметы приняли странные очертания. Статуя распятого Христа перевернулась, алтарь поднялся над головой, а ветки спирей стали похожи на костлявые человеческие пальцы. Я ощущал, как мои ноги медленно поднимаются вверх. В конце концов весь мир перевернулся, мое тело рухнуло.

— Ючжин! — в уплывающем сознании донесся резкий крик мамы.

— Открой глаза! Ючжин, открой глаза!

Я еле-еле разомкнул тяжелые веки. Через узкую щель появилось страшно бледное мамино лицо.

— Ючжин, у тебя что-то болит?

Я лежал у алтаря на маминых руках. Расширенные чёрные зрачки мамы сильно дрожали прямо над моим лицом. Я хотел сказать, что мне холодно, но не смог пошевелить губами.

— Может быть, это солнечный удар? Вызвать 119? — спросила беспокойным голосом огромная, словно скала, чёрная тень, упавшая мне на лоб. Человек заслонил лучи солнца, поэтому я не мог видеть его лицо. Но я подумал, что это должно быть папа, тем более что мама кричала ему: «Скорее же!» А тонкая тень рядом — это, наверное, брат. За его плечами быстро, будто огонь по сухому полю, клубами разрастались чёрные тучи. Издалека доносилось пение камышовок. А посреди темнеющего неба горело красное солнце.

Глава I

ЗОВ ИЗ ТЕМНОТЫ

Меня разбудил запах крови. Он был очень сильный и походил на звук, который, проходя через резонатор, усиливался и отдавался громким эхом вокруг. Всё мое тело, казалось, всасывает его в себя. Перед глазами всплывали странные картины. Мутный и желтоватый свет уличных фонарей, выстроившихся вереницей в тумане; речная вода, стремительные потоки которой закручивали воронки внизу у обрыва; валявшийся на мокрой проезжей части алый зонтик; строительный брезент на стройке, развевающийся на ветру. Откуда-то сверху доносилось пение какого-то мужчины, язык которого явно заплетался:

Женщина под дождем, которую забыть не могу.
Ее забыть не могу...

Мне понадобилось совсем немного времени, чтобы догадаться, что случилось. Не нужно было обладать воображением гения, чтобы предсказать, что произойдет. Это была не реальность и не обрывки сновидения. Это был сигнал, который моя голова посылала телу. *Не двигайся, просто лежи! Ведь это*

расплата. Расплата за то, что ты самовольно перестал принимать лекарство, предотвращающее припадки.

«Прекращение приема лекарства» было для меня сладостным дождем, который орошал мою жизнь-пустыню. И пусть, переживая страшную бурю припадка, я время от времени должен был платить за эту свободу. Все мои чувства, мысли и видения в тот момент предвещали скорый разгул стихии. Беспорядочные галлюцинации — так это можно назвать по-научному.

Нет гавани, где можно было спрятаться от бури. Ничего не оставалось, как ждать ее начала. Буря бросала меня, абсолютно беззащитного, во мрак. Учитывая прошлый опыт, очнувшись, я совершенно не помню, что со мной происходило. До пробуждения сознания я нахожусь в долгом глубоком сне. Это похоже на физический труд, нечто такое же простое и интенсивное, после чего чувствуешь себя сильно уставшим, обессиленным. Конечно, я сам виноват — ведь я прекрасно понимал, что будет, если я прекращу принимать лекарство. Это сродни зависимости — повторяешь опять и опять, прекрасно осознавая, каковы последствия.

Как правило, зависимые люди принимают наркотики ради эйфории, в моем случае всё было наоборот. Я должен был прекратить прием лекарства, и тогда через некоторое время наступало время магии. Побочные эффекты — головная боль и шум в ушах — исчезали, мое восприятие становилось очень острым. Нос улавливал малейшие запахи, точно я обретал обоняние пса. Мозг работал как никогда быстро, и я воспринимал мир больше интуи-

тивно, чем сознательно. Я чувствовал себя хозяином своей жизни. Мне казалось, что все люди находятся в моей власти.

Конечно, были и кое-какие неприятные моменты. Мама и ее сестра были мне неподвластны. Моя жизнь напоминала подушку, на которой уселись две эти женщины. Попросить их убрать свои задницы не было никакой возможности. Я мог с большой долей вероятности предположить, что бы произошло, если бы мама увидела мой припадок.

Как только я бы очнулся, она сразу отвела бы меня к своей сестре, известному и авторитетному психиатру, главному врачу детской клиники и по совместительству моему лечащему врачу. Тетя смотрела бы мне в глаза и дружелюбно пыталась бы меня вопросами, пока я ей не отвечу. *Почему ты прекратил принимать лекарства? Я смогу тебе помочь, только если ты мне всё честно расскажешь.* Если уж говорить начистоту, честность не самое главное мое достоинство, я вообще к ней не стремлюсь. Я предпочитаю практичность, поэтому ответил бы так. *Со всем вылетело из головы, и на следующий день я так про него и не вспомнил.* Тетя, которая видит весь мир насквозь, вынесла бы вердикт — «намеренное прекращение приема лекарственных препаратов». А судебный исполнитель, моя мама, при каждом приеме пищи заставляла бы меня принимать лекарства в ее присутствии. Она внушала бы мне, какую высокую цену мне придется заплатить за «несколько офигенных дней», давая ясно понять, что, пока я буду вести себя так, я не смогу избавиться от ее задницы, сидящей на подушке.

Юджин!

Вдруг я вспомнил голос мамы, который услышал перед пробуждением. Он был тихим, как ветерок во сне, но отчетливым, будто хватал меня за руку. Однако сейчас, проснувшись, я не чувствую в доме ее присутствия. Вокруг царит тишина, от которой закладывает уши. В комнате очень темно, значит, пока не рассвело. Если ещё не половина шестого, то мама, скорее всего, спит. Тогда я могу успеть перенести припадок втайне от нее, как было накануне поздно вечером.

Всё произошло около полуночи. Я стоял, переводя дыхание, у пешеходного перехода недалеко от мола, после пробежки до смотровой площадки «Млечный путь», расположенной в морском парке архипелага. Я каждый раз отправляюсь бегать, когда мое тело переполняет силы и мускулы напрягаются, этот симптом называют «моторным возбуждением», а я называю его «собачьей болезнью». Происходит это обычно глубокой ночью, поэтому я бы выразился ещё точнее — «безумное моторное возбуждение».

В этот час дорога была пуста, как и мол. Стоявшая возле перехода уличная палатка-пирожковая «У Ёни» была закрыта. Пристань внизу была полностью скрыта во мраке, а шестиполосное шоссе, похожее на взлетно-посадочную полосу, окутывал густой туман. Дул резкий, свирепый ветер, обычный для приморского города. Стояла зима, но шел сильный дождь. Такую погоду иначе как ненастной не назовешь, а я ощущал такую легкость во всем своем теле, словно на улице светило солнце. Казалось, я мог долететь до дома по воздуху. Настроение было приподнятым. Просто совершенная ночь, если бы не запах крови, который донес до меня ветер.

Запах был тошнотворный, с привкусом железа. Он бил мне прямо в лицо, как встречный ветер. Запах был не таким интенсивным, как сейчас, но достаточно сильным, чтобы его можно было принять за сигнал о надвигающемся припадке. На небольшом расстоянии от меня прямо в мою сторону шла женщина, которая приехала на последнем автобусе. Держа в руке зонт, она быстро семенила, как пингвин, из-за дувшего ей в спину ветра. Было бы и в самом деле неплохо перелететь домой, потому что я совсем не хотел, чтобы незнакомая женщина видела, как я валяюсь посреди дороги, извиваясь всем телом, словно кальмар на жаровне.

После этого мое сознание отключилось. Видимо, оказавшись у себя в комнате, я сразу, даже не раздевшись, лег в кровать и уснул, мирно похрапывая. Это был третий припадок в моей жизни, но впервые сразу после пробуждения начались симптомы, предвещающие новый. Эти симптомы и интенсивность запаха отличались от тех, что я ощущал раньше. Мне казалось, что я лежу в дыму от разорвавшейся бомбы. Кожу кололо, в носу щипало от запаха, сознание было нечетким. Видимо, новый припадок будет сильнее, чем когда-либо.

Его сила не внушала мне страха: не всё ли равно — промокнуть от ливня или от морозящего дождика. Главное, чего я хотел, это чтобы он побыстрее начался и закончился до пробуждения мамы.

Я принял выжидательную позу и закрыл глаза. Я повернул голову вбок, чтобы предотвратить возможные затруднения с дыханием, мне было жаль свое тело, которое скоро начнет скрючиваться и гнуться в дугу. Я расслабился и глубоко вдохнул. *Раз,*